

связей преимущественно контактного типа, рассматриваемых в плане как синхронии, так и диахронии. Само гётевское понятие мировой литературы исторически связано с осмыслением поэтом современного ему этапа эволюции европейских литератур как региональной общности. Гёте, историзм эстетического мышления которого постоянно углублялся, чутко отразил в своей концепции тот небывалый период интенсификации духовно-культурных контактов, который наступил в европейском и мировом масштабах в результате Французской революции 1789—1794 гг. и связанных с нею событий.

Среди высказываний поэта на тему мировой литературы особое значение для нас имеет его разговор с Эккерманом от 31 января 1827 г., в котором поэт, в частности, отмечает: «Я все больше убеждаюсь в том..., что поэзия есть общее достояние человечества и что повсюду во все времена ее носителями являются сотни и сотни людей... Но, правда, мы, немцы, если нам не удастся возвыситься над тесным отечественным кругозором, очень легко впадаем в... педантическое самомнение. Поэтому я очень охотно знакомлюсь с произведениями чуждых национальностей и каждому советую со своей стороны ими заняться. Национальная литература сейчас не много стоит. Сейчас мы вступаем в эпоху мировой литературы, и каждый должен теперь содействовать тому, чтобы ускорить появление этой эпохи» [5, с. 347]¹.

Проблема мировой литературы рассматривается здесь Гёте в двух аспектах, компоненты каждого из них диалектически сопряжены и выступают по отношению друг к другу как категории единичного и всеобщего: с одной стороны, поэт выводит понятие мировой литературы, отталкиваясь от понятия литературы национальной, с другой — он устанавливает зависимость между «вступлением в эпоху мировой литературы» и содействием этому со стороны «каждого». Диалектика движения мысли Гёте вполне понятна: если национальная литература создается данной нацией (и в этом процессе другие национальные литературы могут участвовать лишь косвенно и опосредованно), то универсальная мировая литература творится всем интернациональным человечеством, т. е., в известной степени, и «каждым» индивидуумом в отдельности. И в этом случае принцип национальной принадлежности, кажется, не играет для поэта сколько-нибудь значительной роли, он снимается интернациональным контекстом мировой литературы — продукта совместной духовной деятельности человечества как единого целого. В этом плане становится понятной и закономерность обращения Гёте к «каждому» как к неотъемлемой части этого целого.

Было бы ошибкой полагать, что для позднего Гёте перестает существовать проблема национального своеобразия литературы или, скажем, творчества отдельно взятого национального художника. Эстетические искания Гёте — творца понятия мировой литературы не в последнюю очередь определялись его заботой о продуктивном развитии национальной литературы как таковой; для поэта уже не было сомнений в том, что «любая литература начинается в конце концов приедаться сама себе, если ее не освежает участливый интерес извне» [6, с. 567]. Мысль о том, что отсутствие между национальными литературами взаимообщения — какими бы причинами оно ни вызывалось — неизбежно ведет к их духовному оскудению и упадку и что, наоборот, установление и развитие плодотворных контактов между ними мощно способствует их взаимному обогащению — эта мысль наличествует едва ли не во всех суждениях Гёте о мировой литературе. Но также верно и то, что на самую национальную литературу поздний Гёте смотрит с точки зрения феномена высшего порядка — литературы мировой, и здесь на первый план выходят не специфически самобытные, а универсальные, общечеловечески значимые категории ее содержания.

¹ Это издание цитируется с некоторыми уточнениями.